

Беляев Дмитрий Анатольевич

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК ИНВАРИАНТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕЗИСА АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются специфические особенности и генезис феномена древнегреческого героя как инварианта концепта сверхчеловека. Помимо этого прослеживается его взаимосвязь с общей эволюцией античной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 29-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

В статье рассматриваются специфические особенности и генезис феномена древнегреческого героя как инварианта концепта сверхчеловека. Помимо этого прослеживается его взаимосвязь с общей эволюцией античной культуры.

Ключевые слова и фразы: сверхчеловек; герой; мифы; бессмертие; античная культура.

Дмитрий Анатольевич Беляев, к. филос. н.
*Кафедра философии и социально-политических теорий
Липецкий государственный педагогический университет
citadel-i@mail.ru*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК ИНВАРИАНТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕЗИСА АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

В концепте сверхчеловека выражается идея тяги человека к выходу за границы своего данного, ограниченного объективно-природными материалистическими основаниями состояния. Сверхчеловеческое является перспективной точкой и аксиологическим идеалом виденья человеком себя на определенном этапе культурно-исторического развития. Одновременно феномен сверхчеловеческого задается «горизонтом событий» той культуры, в рамках которой он сформирован. Актуальное присутствие концепта сверхчеловека на разных стадиях развития культуры неодинаково, оно особенно заметно в моменты кризиса-зарождения новых культурных формаций и парадигм развития культуры (или создания нового измерения бытия культуры). Поэтому через рассмотрение концепта сверхчеловека возможно диагностирование состояния культуры, специфики ее развития, а также особенностей кризисных состояний, с возможностью прогнозировать последующий вектор развития культуры.

В данной статье мы обратимся к самому раннему культурному пласту – античности, от которого ведет свою генеалогию вся европейская культура. Предметом нашего рассмотрения является древнегреческая мифология и литература как среда появления первых достоверных инвариантов сверхчеловека. Понимание сущности феномена сверхчеловека античности и его исторического генезиса позволит увидеть новые грани эволюции античной культуры в ее взаимосвязи с концептом сверхчеловека.

Система бытия, конструируемая мифологией, представляет собой определенное устойчивое, но одновременно динамическое единство – Космос, в рамках которого можно выделить теобытие, т.е. пространство существования разнообразных богов и пространство существования человека. Боги и люди сформировали особое дискурсивное пространство, в рамках которого происходило их взаимодействие. Субъектной силой этого взаимодействия выступали боги, которые часто напрямую вторгались в посюстороннее пространство бытия человека, а человек чаще всего выполнял пассивную роль объекта божественного влияния. Однако в общественном сознании эллинов было стремление внести, по крайней мере, равновесие в это монологово-манипулятивный дискурс. Это стало одной из причин, обусловивших появление «промежуточных» существ, статусно находящихся между богом и человеком, – героев. Именно они стали инвариантами сверхчеловека в культурной традиции античности.

В рамках древнегреческой мифологии героем традиционно считается потомок божества и человека, который занимал срединное положение между ними [8, р. 12], не принадлежа в полной мере ни к человеческому, ни к божественному сообществу, образуя новую антропологическую группу неких сверхлюдей или недобожеств. Тем не менее, они были больше «приземлены», обитая в социально-культурном пространстве «обычных» людей, поэтому их более справедливо квалифицировать именно как сверхлюдей.

Существуют различные классификации классических героев древнегреческой мифологии. Одна из них – гендерная – основывается на сравнительном соотношении статуса родителей героя, являющаяся иллюстрацией движения общества от матриархата к патриархату. Согласно ей, первое поколение героев произошло от матери-богини и отца-человека. Соответственно, второе поколение героев появляется от отца-бога и матери-человека. Другая классификация имеет событийно-историческую привязку к Троянской войне. Согласно ей считается, что старшее поколение героев жило до Троянской войны, а участвовавшие в ней герои относятся к младшему поколению [4, с. 36].

Однако первый героический персонаж – Прометей – находится за рамками этих классификационных вариантов. Прометей формально не имеет никакой родственно-генеалогической связи с людьми – он является сыном титана Иапета и океаниды Климены (по другой версии Асии или Фемиды), что делает его по статусу «полноценным» божественным созданием. И он становится первым героем, который собственно основывает всю «геройскую линию», создавая определенный формально-деятельный и аксиологический образец героя, поэтому анализ именно этого образа важен для понимания сущности всей древнегреческой героической традиции.

Помимо этого, Прометей формирует «героическую матрицу», которая имеет свое значение не только в рамках античной культуры, но и продолжает быть актуальной на всем протяжении эволюции европейской культуры, оказывая влияние на ее сверхчеловеческие инварианты. Итак, исходя из поведенческой и аксиологической стратегии Прометея, можно выделить несколько ключевых составляющих античной героики.

Во-первых, Прометей предстает в образе ярко выраженного богоборца. Герой противопоставляет себя божественной воле, божественным предписаниям. Он осуществляет переоценку высших божественных ценностей-законов и через посредство бунта разрушает их. Акт богоборчества становится формой реализации собственной субъектности и эмансипации от божественной воли и даже фатума. То есть противопоставление себя пространству высших ценностей является категорически необходимым начальным условием реализации героической устремленности.

Во-вторых, через бунтарское богоборчество Прометей устанавливает свою систему ценностных координат. И здесь герой выступает как культуросозидательная сила. Прометея пронизывает креативная энергетика, благодаря которой он становится начинателем культуры у людей.

В-третьих, Прометей задает первичную телеологию героического поведения. Основная цель действий героя – помочь людям. Герой выступает в роли охранителя, спасителя, помощника и защитника людей. Тем самым героическая деятельность всегда осуществляется в социальном пространстве и, в известной степени, подчинена его интересам, хотя она одновременно способна и радикально изменять социокультурную и ценностную сферу бытия человека.

В-четвертых, герой оказывается «вечным изгоем», т.к. он всецело не принадлежал как какому-либо человеческому обществу – государству, так и существующей традиционной ценностной парадигме. В этом заключается залог перманентной одиночества и непонятости героя.

Следующие за Прометеем наиболее известные герои – Ахилл, Тесей, Геракл, Диомед – уже не были богами. И они по всем атрибутам занимали срединное положение между богами и людьми, стремясь приблизиться к божественному статусу. Их с полным правом можно квалифицировать как инварианты сверхчеловека, где в понятие «сверх» входили, в первую очередь, такие физические качества как сила, быстрота, ловкость. То есть акцент делался именно на физическом сверхпревосходстве «новых» людей. Их они унаследовали у своих божественных родителей и тем превосходили людей. В свою очередь, эти физические качества обуславливали наличие ряда эмоционально-волевых характеристик героев – смелость, доблесть, отвага, ярость, несколько позднее появляются такие качества как хитрость, ум, смекалка.

Однако в героях оставалось важное человеческое качество, ставшее одной из отличительных характеристик людей вообще, – смертность, наличие которого сформировало еще одну важную сверхчеловеческую устремленность. Одним из центральных мотивов и целей деятельности героев становится их желание преодолеть, победить смерть. Сохранившееся от Прометея богоборчество у них приобретает несколько иную аксиологическую окраску. Оно становится средством, механизмом достижения божественного статуса. В разных ситуациях вызов богам бросали Ахилл, Тесей, Геракл, Беллерофонт, Диомед, Одиссей. И. В. Шталь отмечает, что именно через сражение с богом герои пытались утвердить себя, считая, что богоборчество делает их подобными богам [7, с. 96-97].

Одновременно герои быстро осознали, что достижение непосредственно физического бессмертия невозможно или крайне затруднительно. Поэтому, понимая реальную бесперспективность обретения физического бессмертия, герои были готовы жертвовать жизнью ради славы, т.е. символического (социокультурного) бессмертия. Ярким примером этого является Ахилл в «Илиаде», который без раздумий предпочитает жизнь пусть краткую, но славную, чем долгую, но бесславную. Теперь именно обретение славы становится обязательным условием статуса героя [3, с. 77].

Прометеевская линия охранения и оказания помощи людям была продолжена героями. Однако если помощь Прометея носила глобальный, общекультурный характер, то другие герои, в силу своих более ограниченных возможностей, придерживались практики «малых дел» – победа над разбойниками (Тесей), убийство всевозможных опасных для людей животных (Геракл), возвращение в Грецию золотого руна (Ясон), участие в войнах (Ахилл и Диомед) и т.д. Тем не менее, каждый героический поступок нес в себе мощный энергетический заряд, задавая новые горизонты человеческих устремлений.

Очевидно, что практически все исключительные способности героев и характер их героической деятельности связаны с военным делом, поэтому большинство героев – это, в первую очередь, сверхвоины. Хотя сама война была лишь наиболее подходящим пространством для реализации героями своей перманентной потребности в славе, которая являлась одним из путей достижения, хотя и символического, но бессмертия. Помимо этого война, боевые действия становились ареной, где реализовывалось агональное начало, которое было достаточно сильно в древнегреческой культуре. Особое значение агональный принцип имел для героев, создавая соревновательную среду, дающую возможность, во-первых, продемонстрировать свои сверхчеловеческие способности, а во-вторых, обрести славу.

Другой причиной, способствовавшей особой популярности агона среди героев именно младшего поколения было то, что богоборческий порыв у них ослабевает. Все больше утверждается мысль о нежелательности столкновения с богами, теперь это воспринимается как дело «опасное» и даже «запретное» [6, с. 201-202]. Так, например, Диомед заявил: «С богами отнюдь не дерзайте сражаться!» [2, с. 92]. В связи с этим возрастает роль соревнования в «своем кругу». Иметь статус «лучшего», пусть теперь и завоеванный не в борьбе с богами, было крайне важно для всех героев.

Со временем образ героев меняется. Если сначала герой был ближе к богам и дерзал противостоять им, боролся за славу в великих войнах, то младшее поколение героев становится более приземленным, более «человеческим». Уже Одиссей является началом линии нисхождения героической тенденции. Общий ореол его странствий больше проникнут духом неустроенности, трагичности, но никак не героическим пафосом. Например, А. Ф. Лосев, обращая внимание на многочисленные сложные жизненные ситуации и коллизии, в которых оказывается Одиссей, определяет его больше как «страдальца» [5, с. 250].

Итак, уже на примере античных героев мы можем вывести магистральные характеристики образа сверхчеловека, которые транслировались через столетия, сохранив свою актуальность и в XXI веке. К ним относятся: сверхфизические способности индивида; богоборчество, и как его разновидность – тяга к переоценке ценностей и желание переформатировать социокультурное пространство; стремление преодолеть собственную смертность.

Между тем следует обратить внимание и на некоторые особенности образа сверхчеловека античной культуры. Для человека оказывается принципиально невозможно самому выйти на сверхчеловеческий уровень. В этом отношении герой-сверхчеловек полностью зависим от воли богов. То есть, с одной стороны, герои активно проявляли свою субъектность в культуросозидательной и охранительной деятельности, с другой стороны, сам факт обретения героически-сверхчеловеческого состояния не подвластен человеку, он находится в зависимости от чужой воли.

Античный сверхчеловек так и не смог в полной мере эмансипироваться от богов, он неизбежно сравнивался именно с ними. Ценность сверхчеловеческих качеств соотносилась с божественными, и герой неизбежно проигрывал небожителям. Мир воли богов стал пространством фатума для сверхчеловека, ограничивая его и, в конечном счете, побеждая. И в этой особенности героя-сверхчеловека отразилась отличительная характеристика мировосприятия человека греко-римской культуры. Античный человек на бытийном уровне был лишен свободы, он был частью Космоса, над ним довлеет Судьба, а эволюция мира представляется как циклично повторяющийся замкнутый процесс «вечного возвращения». Здесь мы видим прямую связь инварианта сверхчеловека с бытующими в античной культуре онтологическими и философско-антропологическими императивами.

Эволюция культа героев, в конечном счете, приводит, во-первых, к обожествлению практически всех героев [4, с. 76]. Теперь все герои приравниваются к богам, создается своя система их почитания и т.п. Во-вторых, происходит тотальная героизация всех умерших, т.е. каждый умерший причисляется к пантеону героев [Там же, с. 73]. В итоге, герой как особый культурный феномен начинает нивелироваться тотальной множественностью субъектов к нему причисляющихся. Его идентичность растворяется и поглощается божественной идентичностью, а массовое причисление к «лику» героев девальвирует их статус. То есть, идея сверхчеловека начинает постепенно уходить из античной культуры и по времени это совпадает с эпохой эллинизма, временем, когда, с одной стороны, происходило экстенсивное распространение греческой культуры, а с другой – ее массовизация, огрубление и потеря творческой энергии.

С бытованием в античной культуре идеи сверхчеловека в пространстве мифологической героики была связана предельная созидательно-культурная устремленность эллинской цивилизации. Герой-сверхчеловек задавал парадигму действия, активности (ограниченной онтологическими культурными императивами). Вместе с агональным началом все это создавало перманентно деятельную энергетическую среду, из которой и вышли многие достижения античной культуры. Напротив, с утратой четкой идентичности сверхчеловеческого образа связывается потеря ряда стержневых оснований культуры, прежде всего связанных с предельными аксиологическими и творчески-движущими началами.

Список литературы

1. Гесиод. Теогония // Эллинские поэты. М.: Ладомир, 1999. 515 с.
2. Гомер. Илиада. М.: АСТ, 1993. 413 с.
3. Зайцев А. И. Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
4. Захарова Е. А. Культура древнегреческих героев Ахилла и Геракла в Северном Причерноморье (VI-I вв. до н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 237 с.
5. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Учпедгиз, 1960. 350 с.
6. Тахо-Годи А. А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. 304 с.
7. Шталь И. В. Гомеровский эпос. М.: Высшая школа, 1975. 246 с.
8. Bremmer J. N. Greek Religion. Oxford, 1994.

ANCIENT GREEK HERO AS SUPERMAN INVARIANT IN THE CONTEXT OF ANCIENT CULTURE GENESIS

Dmitrii Anatol'evich Belyaev, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social-Political Theories
Lipetsk State Pedagogical University
citadel-i@mail.ru

The author considers the specific features and genesis of an ancient Greek hero phenomenon as the invariant of a superman concept and beside that reveals its interrelation with ancient culture general evolution.

Key words and phrases: superman; hero; myths; immortality; ancient culture.